

МЕСЯЦА МАРТА В 17 ДЕНЬ

ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТОГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

В граде Риме жил один благоверный человек по имени Евфимиан, бывший в почете у римских цесарей Гонория и Аркадия. Богат он был очень, имел триста рабов-домочадцев в шелковых одеждах с золотыми поясами, но не имел наследника, ибо супруга его была бесплодна.

Как человек благоверный, он следовал заповедям Божиим, постился каждый день до девятого часа, устраивал в своем доме три трапезы: одну — для сирот и вдовиц, другую — нищим и недужным, третью — для странников и паломников. Сам же в девятом часу вкушал свой хлеб с чернецами и нищими. А когда шел в палаты, посылал впереди себя милостыню, говоря, что недостойн ходить по Божьей земле. И жена его именем Агласия, благоверная и богобоязненная, тоже соблюдала заповеди, молясь Богу и говоря: «Помяни меня, Господи, недостойную рабу твою, и дай плод чреву моему, да будет мне поводом в старости и утешением души моей!»

И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына. И возблагодарили Бога жена и муж. Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторiku, и был отрок очень умным. А когда настало время его женить, Евфимиан сказал своей жене: «Свершим брак сыну своему». И возрадовалась жена словам мужа своего, пала ему в ноги, говоря: «Да утвердит Бог слова, сказанные тобой, свершим брак сына нашего возлюбленного — и да возрадуется душа моя!»

И обручили его с невестой царского рода, свершили его брак, женили его, и венчали их праведные священники в церкви Святого Вонифатия, а, отведя его в брачную спальню, все веселились весь тот день до ночи.

А он, войдя в спальню, сел на золотой свадебный трон, и снял золотое кольцо, и, завернув в персидский шелк, отдал своей обрученной, сказав: «Возьми и сохрани, и да будет Бог меж тобою и мною до той поры, пока Господь изволит». И иное тайное поведал ей. Выйдя из спальни, пошел он в сокровищницу и, взяв часть своего богатства, покинул Рим тайно ночью. Спустившись с Капитолия, увидел он корабль, стоящий на реке, и, взойдя на него, доплыл до града Лаодикии, называемого Магнарея. Сойдя с корабля, помолился он Богу так: «Боже, сотворивший небо и землю, вызволивший меня из чрева матери моей, спаси меня и ныне от этой суетной жизни и сподобь меня десного предстояния возле тебя, ибо ты Бог милостивый и Спаситель. Славу возносим тебе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

Помолившись, тотчас же встретил он погонщиков ослов и отправился с ними, пока не дошли до Эдессы сирийской, где лежит образ Господа нашего Иисуса Христа, который некогда сам дал Авгарю. Войдя в город, продал он все, что имел, и роздал нищим, облекся в бедные одежды и как нищий проситель сидел на паперти церкви владычицы нашей Пресвятой Богородицы, постясь от воскресения до воскресения, причащаясь святых тайн, съедая лишь два куска хлеба и выпивая два глотка воды, пребывая без сна все ночи. А если ему подавали милостыню, он все отдавал нищим.

Искали его в городе Риме, но не нашли. И отец послал слуг разыскивать его, но и они не нашли его. Когда слуги пришли в Месопотамию, в город Эдессу, то, не узнав его, подали ему милостыню. Он же, увидев, узнал их и возблагодарил Бога, сказав: «Благодарю тебя,

Господи, что сподобил меня принять милостыню от своих домочадцев имени твоего ради». И вернулись его слуги в Рим, сказав своему господину, что не нашли его.

Мать же с того свадебного часа, когда искали его и не нашли, вошла в свою спальню, открыла оконце возле своего изголовья и, постлав мешковину, посыпала пеплом и стала молиться Богу, приговаривая: «Не выйду отсюда, пока не узнаю о сыне своем единственном, куда делся». И отец, с тех пор как родился сын его, не прикасался к жене своей, сказал ей: «Помолим Бога, да пощадит дитя, которого нам дал».

Семнадцать лет провел юноша на паперти церкви Святой Богородицы и угодил Господу своему: явилась во сне пономарю святая Богородица со словами: «Введи в церковь моего человека Божия: достоин он царства небесного, ибо молитва его, как миро благоуханное, и, как цесарев венец на голове, почивает на нем Дух Святой. И как солнце сияет для всего мира, так просияет житие его пред ангелами Божиими». Пономарь же, поискав того человека и не найдя, обратился с молитвой к Богородице, чтоб явила ему человека того. И Богородица вновь сказала ему, вторично: «Убогий, сидящий у дверей церковных, это и есть человек Божий». И снова вышел он на паперть, нашел его и, взяв его за руку, ввел в церковь и с той поры служил ему исправно.

И разнеслась слава о человеке Божиим по всему городу. А когда он понял, что все его узнали, то бежал из этого города, и, прийдя в Лаодикию, сел на корабль, и хотел уехать в Киликию, в Тарс, потому что там не знали его.

Но, волею Божьей, корабль был подхвачен сильным ветром и пришел в Рим. Сойдя с корабля, он сказал: «Благословен Господь Бог мой! Не буду в тягость никому: войду в дом отца моего, как будто я там неизвестен». Подходя, встретил он отца своего, идущего из дома в обеденное время, и поклонился ему, сказав: «Раб Божий, помилуй меня, убогого странника, ипусти меня во двор свой, дабы и я насыщался с рабами твоими “крохами, падающими со стола” твоего. Бог же да благословит лета жизни твоей и даст тебе царствие небесное, и странник, которого примешь, благословит и утешит тебя верованием своим». Когда отец его услышал о странниках, которых весьма привечал в своем доме, то сказал своим слугам: «Кто из вас хочет служить ему? Если же угодит ему, да видит Господь, тот будет свободным и получит часть моего имущества. А при входе в мой дом постройте ему хижину, чтобы, входя и выходя, я видел его. Давайте же ему еду с моего стола». Но был он с ним всегда суров.

А мать его, сетуя и печалась, не выходила из своей спальни, а сноха, оставшаяся с ней, говорила: «Не уйду отсюда до смерти моей, а уподоблюсь горлице, пустынножительнице и единомужнице. И я буду терпеть и ждать до тех пор, пока не узнаю о женихе моем, что с ним».

Слуги же каждый вечер мучили его, глумясь над ним: одни пинали его ногами, другие давали оплеухи, а иные же, моя посуду, выливали на него помои. А человек Божий, видя, что это свершается с ним по дьявольскому наущению, принимал все терпеливо, с радостью и стойкостью.

Когда же прошло семнадцать лет его пребывания в отчем доме неузнанным, тогда Господь изволил взять у него исповедание о себе; человек Божий сказал отроку, который ему служил: «Брат, принеси мне пергамен и чернила». И тот принес ему. Он взял и написал о тайном, что было у него с отцом и матерью, и о том, что говорил повенчанной с ним в своем брачном

чертоге, когда дал ей кольцо и шелк. И всю жизнь свою описал, чтобы узнали его, что это — их сын.

В один из воскресных дней по окончании святой литургии, когда архиепископ Маркиан был еще в церкви, благоверные цесари и все люди услышали неведомый глас из алтаря, изрекший: «Придите все отягощенные и обремененные грехами, и я вас упокою!» Удивились и ужаснулись все и пали ниц, возопив: «Господи, помилуй!» И тогда вновь, вторично, услышали глас: «Поищите человека Божия, да помолится за мир. На рассвете в пятницу покинет он тело свое».

А в четверг вечером все собрались в церкви Святого апостола Петра, моля Бога, чтобы явил им человека Божия. И раздался глас, изрекший: «В доме Евфимиана тело его». И обратились оба цесаря к Евфимиану, сказав: «Имея в доме своем такую благодать, почему ты нам не сказал?» А Евфимиан ответил: «Видит Господь Бог мой! Не знал». И призвал он старейшину рабов своих и сказал: «Не знаешь ли среди моих рабов такого?» И тот ответил: «Видит Господь Бог мой, не знаю: все они — ничтожные люди». Тогда цесари велели идти в дом Евфимиана поискать там человека Божия. Для их встречи Евфимиан велел рабам своим поставить столы со свечами и фимиамом и сидения. И пришли цесари, архиепископ и все именитые цесаревы мужи, и в доме стало шумно.

Мать же, у которой завешано было оконце занавесью, чтобы ее никто не мог видеть, сказала: «Что это за разговор и шум, и зачем все пришли?» А сноха всех видела из комнаты. И слуга человека Божия сказал своему господину: «Господин, не человек ли Божий тот нищий, которого ты мне поручил, ибо великие и дивные чудеса замечал я за ним. С воскресения до воскресения причащался он святых тайн и, кроме двух кусков хлеба и двух глотков воды, не пил и не ел все воскресения, а ночами не спал. И некоторые из рабов моих мучали его: одни пинали, а другие глумились над ним, иные же обливали помоями, а он принимал все с радостью».

Евфимиан, услышав это, устремился к человеку Божию и, войдя, заговорил с ним, но тот уже был безгласен, а открыв лицо его, увидел, что оно сияет, как у ангела, и держит он в руке пергамен. Евфимиан хотел взять пергамен, чтобы увидеть, что написано на нем, но тот не выпустил его из руки. И Евфимиан возвратился, чтобы сказать цесарям, что он нашел того, кого они ищут, и поведал им, как семнадцать лет назад пришел он к нему, и далее — все по порядку о его житии, а еще о том, что он держит в руке пергамен, но не отдал ему.

Тогда цесари велели соорудить ложе и положить на него святого. И поднялись цесари, архиепископ и все цесаревы мужи, и встали у одра со словами: «Раб Божий, ведомо тебе, что мы, грешные, — цесари, а вот — отец вселенский. Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту.

Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места, растерзал одежды свои, стал рвать седины, устремился к телу его и бросился ему на грудь. Любовно целовал он его, говоря: «Горе мне, чадо мое! Почто так поступил со мной, за что нанес мне такое огорчение? Сколько лет понапрасну надеялся я услышать либо голос твой, либо речи твои, но ты не открылся мне. Горе мне, поводырь старости моей! Куда мне деться от сердечной скорби моей? Отныне суждено мне лишь оплакивать свою израненную душу».

Когда же его мать услышала, что он сын ее, разодрала она завесу на окне и одежды свои, растерзала свои волосы, горестно глядя на сына своего и прося людей, находящихся в палатах, с мольбой им говорила: «Горе мне, почтенные люди, дайте мне место, да взгляну горестно на чадо свое возлюбленное. Горе мне, братия мои, да узнаю сына моего единственного, агнца души моей, птенца гнезда моего, вскормленного грудью моей, опору жизни моей». И с любовью целуя его, рыдала со словами: «Горе мне, чадо утробы моей! Зачем так поступил со мной? Столько лет попусту провел ты в доме отца твоего, и не открылся мне».

Сноха же, вбежавшая в бедных одеждах, оплакивала его, причитая: «Горе мне, горлице, возлюбившей уединение свое! Сколько лет лишена я была возможности слышать голос твой, либо вести о тебе. Куда делся ты и зачем не открылся мне, ставшей с этого дня вдовицей. И не на кого уже мне взирать, и отныне восплачу израненным сердцем». Люди же дивились их плачу и со слезами молились.

Тогда цесари и архиепископ велели нести одр и поставить посреди града. Горожане же, услышав об этом, все собрались над ним. Сколько бы недужных ни приходило к нему, — все исцелялись: немые заговорили, слепые прозрели, бесноватые выздоровели. А цесари с архиепископом, видевшие эти чудеса, сами взяли носилки с телом и понесли их, дабы освятиться прикосновением к телу человека Божия. Отец же его держался за его руку, шатаясь и стеная и бия себя в грудь. И мать его тоже рыдала, покрыв его своими волосами. И сноха, также скорбя и рыдая, шла за одром с плачем. Люди же теснились возле одра и, задерживая его, не могли двигаться дальше.

Тогда цесари велели бросать людям золото и серебро, чтобы, когда они устремятся к деньгам, можно было понести тело человека Божия. Но никто на это не позарился, ибо тело святого было им дороже. Много затруднений было и потом, прежде чем донесли они тело в церковь Святого Вонифатия.

Благоверные цесари повелели создать золотую раку и украсить ее драгоценными камнями и бисером, а сделав, положили в нее тело человека Божия Алексия месяца июля в 17 день. И совершали поминаение семь дней, а отец, мать и сноха там пребывали.

Божьей благодатью, излилось из раки его миро благовонное. И когда это чудо свершилось, собрались все болящие и, набирая его, мазались им и исцелялись, славя и восхваляя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога истинного, ему же слава ныне, и присно, и во веки. Аминь.